В темную потайную комнату не проникал свет. На человеке, лежащем на земле, не было живого места. Его волосы были собраны вместе и падали на лицо с выпученными и широко раскрытыми глазами. Он выглядел как призрак, пришедший из ада, и вызывал пугающее чувство.

В этой комнате, с потеками грязной воды на полу, был человек, который лениво сидел и пил чай. Идеально ухоженная рука медленно поднесла к губам белую нефритовую чашку. После маленького глотка в уголках губ появилась очаровательная улыбка.

- Хороший чай.

Поставив чашку, он отряхнул белоснежные рукава и медленно подошел к лежащему на земле человеку, как будто ему было совершенно наплевать на грязную воду, пачкающую его светлую верхнюю одежду.

- Я давно слышал, что мастер Чжан – крепкий орешек. Сегодня я убедился, что это так.

Белая и чистая рука схватила человека, лежащего на земле, за волосы и потянула назад, пока он с трудом не поднял голову. Не важно, как бедняга не хотел этого, он мог только стонать, пока его держали так, не в силах даже выругаться.

Возможно потому, что волосы в его руке были слишком грязными, человек в белой мантии брезгливо разжал кулак и позволил лицу мастера Чжана плюхнуться в грязную воду. Две грязные капли воды упали на серебристо-белые парчовые туфли.

В мгновение ока кто-то вышел из темного угла и протянул белый хлопчатобумажный платок. Затем мужчина наклонился, чтобы вытереть две грязные капли с обуви.

Он вытер руку этим же платком и бросил ее рядом с мастером Чжаном.

- Но я не люблю людей, с которыми трудно иметь дело, особенно тех, кого послали убить меня. - Он поднял ногу и наступил мастеру Чжану на голову, заставив его прижаться лицом к земле. Его тон стал мрачным. - Раз уж у тебя такие твердые кости, и сам будь таким же. Не плачь и не умоляй, когда придет время.

Он убрал ногу и повернулся, чтобы выйти из комнаты, заложив руки за спину. Когда дверь в потайную комнату отворилась, изнутри проник свет. Молодой господин сказал с веселостью в голосе: «Вы все, продолжайте хорошо служить мастеру Чжану; не позволяйте ему скучать».

Дверь в потайную комнату снова закрылась, и в комнате стало темно. Мастер Чжан в отчаянии закрыл глаза и хрипло зарычал. Но ему, чей язык был отрезан, не суждено было произнести больше ни одного слова в своей жизни.

***

- Ты говоришь, что Цзюнь ванфэй занимается боевыми искусствами во дворе?

Янь Цзинь Цю поправил мантию и повернулся лицом к медному зеркалу. Выслушав доклад Му Туна, он поднял бровь и с улыбкой сказал: «Цзюнь ванфэй действительно потомок генеральской семьи. Практика боевых искусств хорошо подходит для укрепления организма».

Му Тун осторожно вытер полотенцем слегка влажные волосы Янь Цзинь Цю и сказал: «Цзюньван Е прав; последние годы Цзюнь ванфэй из-за слабого здоровья не могла ездить верхом или подняться в горы, чтобы полюбоваться окрестностями. Занятия боевыми искусствами - это хороший способ тренировки тела».

Услышав это, Янь Цзинь Цю скривил губы, но ничего не сказал. Заметив реакцию господина, Му Тун не осмелился продолжать и стал сушить волосы Янь Цзинь Цю с еще большей тщательностью.

***

В большой комнате поместья нежилась Хуа Си Ван с распущенными после ванной волосами. Лу Чжу использовала серебряные шпажки, чтобы поднести фрукты ко рту госпожи. Цзы Шань сидела на маленьком табурете и с помощью маленького сандалового молотка массировала ее ноги. В комнате ощущался запах дорогих и изысканных благовоний. Это была роскошная и вальяжная сцена, но поскольку наслаждающийся ею человек был красив, это превратилось в прекрасную сцену.

Бай Ся подошла и помогла Хуа Си Ван поправить подушку за её спиной, чтобы она могла устроиться более комфортно.

- Цзюнь ванфэй, Цзюньван Е скоро придет. Нам нужно помочь вам переодеться?

- Переодеться? - Хуа Си Ван отвлеклась от истории о призраках. Подняв руку, она откинула волосы со лба, после чего вяло прикрыла рот, зевая. - Мне слишком лень волноваться об этом, и так сойдет.

Бай Ся посмотрела на госпожу в белом шелковом платье с рисунком слив, и на ее ноги, выглядывавшие из-под платья. Она отступила в сторону и больше ничего не сказала.

Прочитав всю историю о привидениях, Хуа Си Ван, наконец, захотела пошевелиться. Она надела туфли и встала с дивана. Посмотрев на темное небо за окном, она сказала Лу Чжу: «Сходи в столовую и принеси еду».

- Цзюнь ванфэй не будет дожидаться Цзюньвана? - спросила Лу Чжу, услышав это. - Цзюньван

Е сказал, что придет сегодня вечером.

- Неважно, иди и принеси. - Хуа Си Ван махнула рукой. - Если он еще не пришел, то, должно быть, уже поел во дворце наследного принца.

Сперва ей сказали, что его задерживает наследный принц, теперь ей говорят, что он должен скоро вернуться. Кто знает, вернется он или нет? Если она будет ждать его и дальше, то может остаться голодной сегодня вечером.

Лу Чжу поклонилась и вышла. За эти годы они хорошо узнали характер своей госпожи. Они знали, что она часто ленилась даже говорить. Будучи её служанками, они не должны были беспокоить свою госпожу лишний раз.

Ян Цзинь Цю словно выжидал время, чтобы войти в главные комнаты. Как только тарелки расставили на столе, он был тут как тут.

Хуа Си Ван взглянула на него. Этот человек был одет с иголочки и выглядел настоящим элегантным господином. Парчовые одежды пурпурного цвета делали его похожим на щеголя, но всё равно смотрелись благородно.

Это мир был безжалостен, в нем всё зависело от внешности.

Хуа Си Ван отвела взгляд и сказала: «Цзинь Цю вернулся в самое подходящее время. Садитесь и отужинайте вместе со мной».

Услышав это, Янь Цзинь Цю сел рядом с Хуа Си Ван и опустил руки в медный таз, в котором она мыла руки. Он сказал с улыбкой: «Всё в порядке, мы можем воспользоваться и одним».

Хуа Си Ван посмотрела на лепестки цветов, которые качались на воде из-за движения их рук, когда они их ополаскивали, и молча вытерла руки.

- У вас были какие-то дела в эти дни? Я заметила, что вас не было в поместье.

- Кое-что случилось, но об этом уже позаботились. Завтра я сопровожу вас в особняк хоу И’Ань, чтобы повидаться с родными. Около пяти часов дня мы вернемся домой.

Янь Цзинь Цю вытер руки и сказал извиняющимся тоном: «В эти дни я хотел уделить вам больше внимания, но случилось кое-что непредвиденное».

- Поскольку этому есть причина, вам не стоит переживать. Самое большее, о чем я попрошу, в будущем сопровождать меня на прогулки почаще.

Хуа Си Ван беззаботно улыбнулась, взяла палочки и больше ничего не сказала.

В эту эпоху при посещении своего родительского дома впервые после свадьбы женщина должна была покинуть его до захода солнца. Задержись она дольше, и это считалось бы дурным знаком. Янь Цзинь Цю сказал, что будет сопровождать её во время визита, и что они останутся до пяти часов. Несмотря на то, что это было еще не время заката, но достаточно близко к нему. Редко кому приходило в голову засиживаться допоздна, хотя она и не знала, было ли это просто красивым жестом или действительно искренней заботой о ней.

После того, как они вдвоем поужинали, слуги убрали всю посуду, прежде чем выйти за двери, оставив несколько человек у входа для охраны.

Тени перед окном медленно закачались, и два силуэта постепенно слились в один. Затем пламя свечи в комнате погасло, и вся комната погрузилась во тьму.

Утром, когда Хуа Си Ван проснулась, небо уже посветлело. Поскольку сегодня был важный день, когда она должна была посетить свою семью, она только несколько раз покрутилась в кровати, прежде чем встать. Среди большого разнообразия одежды она выбрала ярко-красное платье в пол с широкими рукавами только потому, что цвет вышитых на нем цветов был очень красивым.

Когда дочь, вышедшая замуж, возвращается в родительский дом, то взволнованные родители будут оценивать, какими были её дни после свадьбы: по её одежде, цвету лица, речи, а так же по отношению к ней их зятя. Несмотря на то, что она не была их настоящей дочерью, но те искренние чувства, с которыми к ней относились в поместье хоу И’Ань, заслуживают и её искренности по отношению к ним.

Янь Цзинь Цю наблюдал за тем, как Хуа Си Ван тщательно одевается, сидя перед зеркалом, и размышлял об её отношении в последние два дня, и вдруг вспомнил то, что в детстве сказала ему его мать.

Никогда не стоит недооценивать женщин, какими бы добродетельными, нежными и безобидными они не выглядели.

Может быть, потому, что мать была тяжело больна, когда сказала это, или потому, что он хотел запомнить каждую деталь о ней, или из-за того, что не понимал значения этих слов, когда был молод, он ясно помнил эти слова. Он бессознательно запечатлел их в своем сознании.

Какой бы ни была причина, он до сих пор отчетливо помнил эти слова, даже выражение лица матери, печальное и в то же время довольное.

После того, как Хуа Си Ван закончила одеваться, Янь Цзинь Цю обнаружил, что драгоценности, которые она одела, включали только те вещи, которые он приготовил для нее после того, как она вошла в его дом. Не было ни одного предмета из приданого, которое она

привезла из поместья хоу И’Ань.

Он понял, почему Хуа Си Ван сделала это, после небольшого раздумья. Встав, он подошел к Хуа Си Ван и достал кулон из нефрита, вырезанный в форме рыбы, чтобы повесить ей на шею.

- Этот нефритовый кулон хорошо дополнит ваш образ.

Хуа Си Ван погладила изящный нефрит и увидела в медном зеркале улыбающееся лицо Янь Цзинь Цю. Проигнорировав руки, лежавшие на её плечах, она слабо улыбнулась и сказала: «И правда, хорошо подходит к платью».

В передней части дома поместья хоу И’Ань собрались все родственники, ожидая гостей: тайтай, глава семьи Хуа Хэ Шэн и Лу-ши, глава второй ветви Хуа Чжи Мин и его супруга Чжан-ши, глава третьей ветви Хуа Чжи Сюнь и его жена Яо-ши. Если бы человек, за которого вышла замуж Хуа Си Ван, не был родом из императорской семьи, то в поместье хоу не собралось бы так много людей. Но прямо сейчас Хуа Си Ван была женою вана. И семья Хуа должна была присутствовать, и не важно, были ли они здесь, чтобы поддержать Хуа Си Ван или для того, чтобы выразить свое уважение Сянь Цзюньвану.

Для окружающих трое братьев демонстрировали доброжелательные и гармоничные отношения. Но только они сами знали, какова ситуация на самом деле.

Хуа Чжи Мин и Хуа Хэ Шэн были родными братьями, поэтому он надеялся, что Хуа Си Ван удачно выйдет замуж. Прибыв в поместье хоу, Хуа Чжи Мин время от времени поглядывал на дверь зала. По сравнению с ним Хуа Чжи Сюнь казался более спокойным и только лениво потягивал чай с самого начала и до конца ожидания.

Лу-ши встала пораньше и быстро одевшись, поспешила в переднюю. Ее сердце бешено билось в предвкушении встречи, и у нее не было сил даже на еду, не говоря уже о том, чтобы переживать о мыслях двух ее невесток.

Как только Лу-ши стало совсем невмоготу от ожидания, вбежала служанка и радостно сказала: «Господа, прибыли Цзюньван Е и Цзюнь ванфэй».

Услышав это, Лу-ши очень обрадовалась и встала со стула. Она широкими шагами направилась к выходу из зала и увидела группу служанок и женщин, сопровождавших ее нарядно одетую дочь. Рядом с Хуа Си Ван стоял ее зять, Сянь Цзюньван, который тоже выглядел впечатляюще.

Яо-ши проводила тайтай до двери и скривила рот, когда увидела, что Сянь Цзюньван заботливо сопровождает Хуа Си Ван. Она просто полагалась на свою красоту и свежесть - как долго она сможет оставаться такой?

Тайтай заметила выражение ее лица и потянулась, чтобы ущипнуть ее. Затем она вышла

вперед.

- Старшая госпожа приветствует Сянь Цзюньвана.

После того, как она вышла замуж за старого хоу, он ни разу не удосужился отправить императору прошение о ее титуле. Поэтому, после смерти старого хоу она чувствовала себя неловко и не любила выходить из дому, но не забывала об этикете, который должна была соблюдать.

Этот Сянь Цзюньван был зятем поместья хоу И’Ань по имени, но более того, он был ваном императорского дома. А у кого было больше привилегий, чем у семьи императора?

http://tl.rulate.ru/book/5480/268142